РАБОЧІЙ МІРЪ

Изданіе Цюрихской группы анархистовъ-коммунистовъ „Рабочій Міръ".

Духъ разрушающій есть духъ созидающій.
БАКУНИНЪ.

Годъ I. 20-е Мая 1913 г. № 6.

Кое-что о ликвидаторствѣ и максимализмѣ.

(По поводу Перваго Мая).

Печальна обстановка, среди которой всемірный пролетаріатъ встрѣтитъ годовщину Перваго Мая.

Роковая балканская война еще не кончилась, — но результаты успѣли выясниться съ достаточной ясностью: на мѣсто разгромленной Турціи—три, претендующихъ на званіе «великихъ», королевства; они еще спаяны общимъ дѣломъ — разгромомъ Турціи, — но теперь уже почти никто не сомнѣвается въ томъ, что если не сегодня, такъ завтра — «союзники» превратятся въ лютыхъ враговъ и что Балканы, какъ были, такъ и останутся вѣчной угрозой миру...

И за этотъ-то «крестовый» походъ, за эту «освободительную» борьбу неимовѣрно дорого заплатилъ трудовой народъ: тысячи труповъ, десятки тысячъ раненыхъ, искалѣченныхъ.

Свинцовой тучей повисла надъ Европой угроза всемірнаго побоища: увеличиваютъ свою армію Германія и Австрія, за ними вслѣдъ тянется отравленная шовинизмомъ Франція. Торжественно заявила о предстоящемъ увеличеніи своей «мощи» бѣдная, некультурная, несчастная Испанія!

Все кипитъ злобой и жаждой мщенья!

И всемірному пролетаріату приходится напречь всѣ силы, чтобы хоть отчасти ослабить напоръ шовинистическихъ страстей.

Прошедшій годъ — увы — не ознаменовался какими-либо крупными выступленіями трудовыхъ массъ. Отрадное исключеніе представляетъ собой упорно продолжающаяся, героическая борьба трудящихся массъ Мексики; тамъ ясно прозвучалъ столь ненавистный буржуазіи лозунгъ: земля и фабрики народу!

Но это возстаніе уже почти потоплено въ крови...

Въ общемъ-же все идетъ по старому: фабрикантъ, сытый банкиръ, жандармъ и судья продолжаютъ быть хозяевами жизни!...

Все — по старому: стонутъ подъ игомъ капитала милліоны рабовъ, — чахнутъ дѣти, гибнутъ физически и морально женщины...

И, естественно, въ душѣ многихъ зарождается сомнѣніе, тревожный вопросъ:

— Да наступитъ-ли когда-либо «настоящій день»? Не царитъ-ли надъ исторіей роковой законъ, который можно бы выразить словами: — «Такъ было — такъ будетъ»?

Къ счастію, всякій, кто хоть болѣе или менѣе знакомъ съ психологіей массъ, долженъ согласиться съ нами въ томъ, что *широкой* массѣ чуждъ пессимизмъ, чужды унынie и апатія. Масса живетъ, борется, проясняетъ свое сознаніе, совершенствуетъ свои организаціи — она вѣритъ, что не «вѣчно будутъ слезы», что день грядущей битвы — не мечта, «не сонъ золотой»!

Гдѣ-и въ чемъ корни этой вѣры?

Вѣритъ ли масса въ милость Бога — надѣется, что Господь смилуется надъ «облитой кровью землей» и водворитъ справедливость? — Нѣтъ. Иль, можетъ быть, масса вѣритъ въ объективную логику развитія производительныхъ силъ, ведущую насъ въ царство свободы? — Нѣтъ! Эта новая религія, эта мудреная концепція чужда массамъ, да и у отдѣльныхъ личностей эта концепція — скорѣе *показатель*, а не *причина* вѣры ихъ въ торжество труда. Масса *вѣритъ въ свою волю къ свободѣ*, въ свою способность къ творчеству, къ борьбѣ, за правду и достоинство человѣка!

И тотъ, кто, подобно листьямъ, сорваннымъ вихремъ, оторвался отъ жизни массъ, никогда не почувствуетъ скрытой, еще невыявленной творческой силы массы. Масса *хочетъ* свободы — и никакія заблужденія не отвлекутъ рабочихъ отъ борьбы за конечную цѣль.

Мы не закрываемъ глазъ на печальную дѣйствительность. Знаемъ, что среди рабочаго класса нѣтъ единства — нѣтъ единой идеологіи, нѣтъ единаго метода борьбы — объ этомъ свидѣтельствуетъ непрекращающаяся борьба главныхъ двухъ теченій — анархизма и соціализма.

И, замѣчательно, разногласія этихъ двухъ теченій съ несомнѣнной яркостью проявились въ различномъ пониманіи задачъ «празднованія» перваго мая. Анархисты увидѣли въ днѣ Перваго Мая день борьбы, день мобилизаціи рабочихъ батальоновъ, день, въ который властное «хочу» рабочихъ массъ получило бы свое яркое выраженіе. Соціалъ-демократы же превратили день перваго мая въ праздникъ, притомъ въ праздникъ «необязательный».

Это различное пониманіе задачъ и цѣли первомайскаго праздника — глубоко поучительно: здѣсь ярко обрасовывается психологія людей *борющихся* и психологія людей, готовыхъ «праздновать». И «праздновать» первое мая готовы именно тѣ элементы, которые благоразумно написали на своемъ знамени, рядомъ съ лозунгомъ «соціализмъ» — еще одинъ — «демократія».

Мы — знаемъ, какая отчаянная борьба велась въ старомъ Интернаціоналѣ между бакунистами и марксистами, знаемъ, что тогда еще былъ поставленъ на очередь роковой вопросъ: можно-ли соединить воедино борьбу за соціализмъ съ борьбой за демократію. Анархисты утверждали и утверждаютъ, что соціализмъ и демократія — пѣнности *противоположнаго порядка*, что слить ихъ воедино — немыслимо, ибо демократизмъ поглотитъ, обезличитъ, обезцвѣтитъ соціализмъ: соціализмъ превратится въ звонкую, пустую, агитаціонную фразу. Оправдалось-ли предсказаніе анархистовъ? — несомнѣнно. Въ лагерѣ соціалистовъ народился опредѣленный, рѣзко очерченный соціальный типъ, для котораго демократія — *все*, соціальная революція — *ничто*.

Эдуардъ Бернштейнъ вскрылъ всю подоплеку парламентскаго соціализма въ своемъ знаменитомъ изреченіи: «движеніе — все, конечная цѣль — ничто». И ожесточенная борьба ортодоксовъ противъ критиковъ была въ сущности борьбой противъ людей, разоблачившихъ общепартійный секретъ. Да, *для нихъ* движеніе — все, цѣль-же *ничто*, ибо цѣль *уже* достигнута — *демократія*. Конечно, буржуазная демократія несовершенна, полна противорѣчій. Но все-же формальная предпосылка грядущаго общежитія — демократія — *добыта*. Этимъ-то и объясняется миролюбіе парламентскихъ соціалистовъ. Ясно, что среди этихъ людей боевая психологія должна глохнуть; ихъ демократическое бытіе властно опредѣляетъ не столько сознаніе, сколько волю и дѣйствія. Эти-то явные соціалисты и тайные демократы требуютъ, чтобы Первое Мая было не днемъ борьбы, а мирнымъ праздникомъ.

Иное дѣло положеніе анархистовъ. Психологія празднующихъ имъ чужда хотя-бы потому, что они не видятъ въ демократіи — *цѣнности*. Они всегда утверждали, что «опаснѣй открытыхъ, разгнѣванныхъ силъ — это тайный соблазнъ полдороги» — а такимъ соблазномъ «полдороги» является демократія: она — самое опасное оружіе въ рукахъ врага — для того, чтобы выработать «культурный», уродливый, жалкій компромиссъ между максимальными требованіями рабочихъ массъ и реакціонными вожделѣніями «феодаловъ».

Анархисты не приспособились къ демократіи — и это одна изъ причинъ, почему въ нихъ сохранился живой революціонный духъ.

Было бы глубокой ошибкой думать, что только «праздничное» настроеніе демократовъ-соціалистовъ виною тому, что нѣкогда грозное для буржуазіи Первое Мая потерядо свой былой революціонный характеръ. Это въ значительной степени объясняется и общимъ кризисомъ всемірнаго рабочаго движенія. Этотъ внутренній кризисъ могъ бы быть коротко формулированъ такъ: рабочій классъ *уже* не въ состояніи воодушевиться борьбой за частичное, конкретное; но *еще* не собрался съ силами настолько, чтобы начать борьбу противъ

всѣхъ устоевъ современнаго общества. И намъ думается, что трудовая Россія дастъ этотъ максималистическій лозунгъ, что грядущая русская революція воодушевитъ міръ своимъ боевымъ кличемъ: борьба со всѣми формами гнета и насилія... Скажутъ: не безуміе ли подобная надежда? Вокругъ — одно лишь уныніе, позорная спячка! Развѣ гады, что «спѣшатъ завладѣть беззащитной землей» русской, встрѣчаютъ на пути что-либо, напоминающее отпоръ? Развѣ ленскіе убійцы получили достойный, *достаточный* отвѣтъ? Развѣ одно обвиненіе цѣлой націи въ употребленіи христіанской крови — мы говоримъ о дѣлѣ Бейлиса — не показываетъ, что господа положенія считаютъ возможнымъ даже возрожденіе кошмарнаго средневѣковья?

Но мы опять скажемъ: люди, такъ разсуждающіе, смотрятъ только на то, что совершается на поверхности жизни. Они не замѣчаютъ того факта, что испугъ передъ реакціей прошелъ, процессъ накопленія новыхъ силъ — несомнѣненъ. Масса переживаетъ глубокій и важный моменты развитія, учитывается опытъ великого прошлаго, — происходитъ подборъ новыхъ силъ *).

И намъ, желающимъ бороться вмѣстѣ съ трудовымъ народомъ, необходимо отвѣтить — каковъ главный урокъ преподанный намъ русской революціей. Всѣ партіи, безъ исключенія, согласны въ томъ, что одной изъ главныхъ причинъ неудачи русской революціи является — наличность острой, глубокой, *классовой* розни, ослабившей силу напора демократическихъ элементовъ страны. Вотъ почему «гучковскіе молодцы» такъ завидовали Турціи, младотуркамъ, — тамъ чисто-политическій переворотъ не осложнился классовымъ антагонизмомъ.

Намъ кажется, что вышеуказанная двойственность сыграла роковую роль, главнымъ образомъ, потому, что *ни одно* изъ этихъ началъ не было доведено *до конца*.

Получилась такая картина: элементъ чисто классовой борьбы былъ *не настолько слабъ*, чтобы не быть въ состояніи раздробить или, по крайней мѣрѣ, ослабить единство демократическихъ силъ, но этотъ-же элементъ классовой борьбы не былъ *настолько силенъ*, чтобы дать новый — чисто-трудовой лозунгъ всей революціи, чтобы организовать могучую трудовую Россію вокругъ одного лозунга: «хлѣбъ и воля»! Послѣдовательная максималистическая позиція сдѣлала бы то, что классовый моментъ выигралъ бы столько-же, сколько потеряло бы «демократическое» теченіе и *разрушеніе* демократическаго единства сопровождалось бы соотвѣтствующимъ созиданіемъ классовой воли.

А если это такъ, — то для вдумчиваго революціонера должно быть ясно, что грядущая революціонная армія должна разбиться на два лагеря: на минималистовъ-ликвидаторовъ и на «максималистовъ». Подъ ликвидаторами мы разумѣемъ, конечно, не кучку интеллигентовъ меньшевиковъ, а всякого, пытающагося *ликвидировать* двойственность русской революціи путемъ затушевыванія *классоваго* момента во имя общедемократическаго. Увы, *такое* ликвидаторство можетъ существовать въ полускрытомъ видѣ среди всѣхъ теченій — и съ этимъ ликвидаторствомъ надо бороться.

Мы анархисты-коммунисты говоримъ: «Наличность классовой борьбы—фактъ. Устранить ее невозможно и не должно. Ее нужно довести до конца. Славная участь выпала на нашу долю —великій русскій народъ объявляетъ войну *всѣмъ* грабителямъ, всѣмъ властелинамъ, начинается борьба за новый періодъ всемірной исторіи и въ этой борьбѣ мы примемъ посильное участье. Или ликвидаторство — или максимализмъ, вотъ два пути, по которымъ можетъ пойти революціонеръ. Середины нѣтъ, середины не должно быть!

«Никому не дано знать времена и сроки». Никому неизвѣстно, когда народъ властно заявитъ свое право на жизнь и счастье. И намъ надо быть готовымъ, намъ надо доказать, что мы эти годы учились, готовились быть достойными выпавшей на нашу долю задачи.

Намъ надо сдѣлаться *практиками*. Мы должны перестать говорить въ кружкахъ о *пролетаріатѣ*, о массовомъ движеніи — надо быть въ массѣ и способствовать тому, чтобы массовое анархическое движеніе сдѣлалось *фактомъ*. А этому мы сможемъ способствовать не тѣмъ, что будемъ въ тиши кабинетовъ создавать теоріи. Такой дѣятель — не *теоретикъ*, а *книжникъ*; и не тѣмъ, что мы, растворяясь въ массѣ, забудемъ, якобы во имя практики, наши принципы, нашу теорію, такой дѣятель — не *практикъ* а *дѣлецъ*.

Только практика, освѣщаемая тщательно разрабатываемой теоріей дастъ намъ силу и возможность помочь народу преодолѣть соблазны ликвидаторства.

Мы указывали выше на колебаніе, которое царитъ въ рядахъ интернаціональнаго пролетаріата. Для насъ нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что великая русская революція способна положить конецъ этимъ колебаніямъ и дать прочный толчокъ всемірному максимализму.

И борьба съ россійскимъ «ликвидаторствомъ» является одновременно борьбой и съ общеевропейскимъ минимализмомъ, борьбой съ однимъ изъ главныхъ препятствій, мѣщающихъ народамъ творить свою исторію въ духѣ равенства я справедливости.

*) Статья уже была написана, когда появились извѣстія о грандіозномъ празднованіи Перваго Мая петербургскимъ пролетаріатомъ. Это фактъ еще разъ доказываетъ, что силы *уже* накоплены и ждутъ лишь момента для своего проявленія.

Общія задачи.

(Нѣсколько словъ о теоріи и практикѣ).

Въ 4-мъ номерѣ «Рабочаго Міра», редакція затронула нѣсколько важныхъ вопросовъ, вытекающихъ изъ основныхъ положеніи анархизма, и, въ связи съ этимъ, и нѣкоторые тактическіе вопросы.

Изъ нихъ, два вопроса, — одинъ о характерѣ органа, какъ народномъ или «интеллигентскомъ», а второй — объ организаціонности, — не имѣютъ особенно важнаго значенія, да при томъ отвѣтъ редакціи удовлетворителенъ, такъ что вопросовъ этихъ я касаться не буду.

Иное дѣло вопросъ о «минимализмѣ и максимализмѣ въ народныхъ массахъ». Разрѣшеніе этой проблемы связано не только съ нашей тактикой, но и съ основными положеніями анархизма. Высказаться по этому вопросу — насущная потребность каждаго анархиста и, съ позволенія редакціи, я это сдѣлаю.

«Минимализмъ»,—гласитъ редакціонная статья—это не изобрѣтеніе депутатовъ и интеллигентовъ, — онъ коренится въ народныхъ массахъ, и еслибъ народное творчество вылилось только въ формѣ минимализма, то соціальдемократы имѣли бы полное право называться «единственными представителями народа».

Изъ этого должно заключить, что анархисты лишь потому имѣютъ право называться представителями народа, что народное творчество выливается и въ формѣ максимализма.

Въ такой постановкѣ вопроса замѣчается нѣкоторая односторонность.

Дѣйствительно ли анархическое міровоззрѣніе зиждется исключительно на минимальномъ или максимальномъ творчествѣ массъ, или же оно имѣетъ еще свое внутреннее «индивидуальное» обоснованіе? Основано ли оно исключительно на естественномъ развитіи общества отъ низкой ступени къ болѣе высокой или также — на индивидуальномъ понятіи о справеливости, не вытекающемъ непосредственно изъ народныхъ массъ и побуждающемъ меньшинство къ поступкамъ и дѣйствіямъ, идущимъ *вразрѣзъ* съ существующими понятіями въ народѣ?

Вѣдь и исторія человѣчества богата примѣрами, когда людей сжигали на кострахъ, замуровывали въ темницахъ, именно потому, что творчество народа не создало еще той внутренней правды, того понятія о справедливости, которыми жили и изъ за которыхъ умирали идеальные люди того времени. Вѣдь, мы анархисты не только потому, что замѣчаемъ инстинктивное стремленіе массъ къ анархизму, а въ гораздо большей мѣрѣ потому, что наше «я» сформировалось, благодаря извѣстнымъ понятіямъ о справедливости, добрѣ и злѣ, свободѣ и т. д. И этого послѣдняго достаточно, чтобы мы гордо и смѣло могли носить имя анархиста.

И поэтому анархизмъ нужно разсматривать, какъ гармоническое сочетаніе нашей индивидуальной справедливости и максималистическаго творчества народа. Если мы приходимъ къ такому заключенію, то становится понятнымъ, что анархизмъ чуждъ всякаго минимализма и что задача анархистовъ и анархическихъ группъ — развивать анархическія идеи, словомъ и дѣломъ; примѣняя насиліе,—*поскольку оно цѣлесообразно*,— къ верхамъ — пропаганду и агитацію — къ народнымъ массамъ.

Я не намѣренъ разбираться въ вопросѣ — чуждо

5763 45
52 39

ли насиліе анархизму или нѣтъ. Этотъ вопросъ для меня разрѣшается такъ: — *насиліе неизбѣжно.* Этимъ я не хочу сказать, что вопросъ о насилии можетъ быть разрѣшенъ безъ связи съ основными положеніями міросозерцанія, — наоборотъ, для меня болѣе чѣмъ ясно, что должно быть взаимоотношеніе между міровоззрѣніемъ и тактикой и что послѣдняя должна быть тѣсно связана съ первымъ.

Переоцѣнивая нашу тактику, наши практическія выступленія въ предыдущей русской революціи, мы прежде всего должны остерегаться односторонности. Анализируя нашу тактику, замѣчая ея недостатки, все-же не слѣдуетъ, въ пылу увлеченія голымъ принципомъ отрицанія, забывать то хорошее, что было въ ней. Мнѣ незнакомо, напримѣръ, отношеніе русскихъ товарищей къ вопросу о терроръ и экспропріаціи, (вотъ гдѣ чувствуется необходимость въ такомъ органѣ, какъ «Р. М.»), но изъ моихъ бесѣдъ съ нѣкоторыми товарищами, прежде всего разрѣшившими эти вопросы въ положительномъ смыслѣ, — изъ этихъ то бесѣдъ я вынесъ то впечатлѣніе, что товарищи теперь ударяются въ крайность и готовы, что называется, вмѣстѣ съ водой выплеснуть и ребенка. Мотивировка ихъ простая: Терроръ и экспропріація примѣнялись также нѣкоторыми темными элементами, поэтому—«долой терроръ»! «Долой экспропріацію»! Да здравствуетъ чистое, абстрактное слово и... культурная, реформаторская дѣятельность.

Такое абсолютное отрицаніе прежнихъ методовъ не ведетъ къ ясному разрѣшенію этихъ вопросовъ, а къ какой-то безсмыслицѣ.

Именно, въ будущей русской революціи, — и вѣрится, глубоко вѣрится, что она скоро наступитъ, — какъ въ революціи вообще, скажется максималистическое творчество народа, и только въ такой періодъ, индивидуальный, анархическій актъ сливается въ одно гармоническое цѣлое съ народнымъ максималистическимъ творчествомъ. И какъ ни вертись, эти «проклятые» вопросы о терроръ и экспропріаціи опять на очереди. Само собою разумѣется, что эти тактическіе вопросы тѣсно связаны съ пониманіемъ анархизма вообще. Разбираясь въ нихъ, мы не должны забыть, что наша задача заключается въ томъ, чтобъ развивать людей — анархистовъ, которые могли бы разрѣшать вышеупомянутые вопросы сообразно съ основными положеніями анархизма.

Какъ бы то ни было, но для сознательныхъ товарищей эти вопросы весьма важны, ибо въ борьбѣ съ государствомъ и капитализмомъ въ Россіи, по необходимости идя по пути насилія, мы должны будемъ дѣлать практическія выступленія, а выступленія эти именно получаютъ свое выраженіе въ терроръ и экспропріаціи, принимая во вниманіе, конечно, и пропаганду и агитацію.

Но высказываясь въ утвердительномъ смыслѣ по отношенію къ террору и экспропріаціи, я безусловно и абсолютно отрицаю, такъ называемый, безмотивный терроръ. И вотъ почему. Анализируя анархическій террористическій актъ, мы находимъ въ немъ два элемента: чувство мести, основанное на ненависти къ эксплуататорамъ и власть имущимъ и, своего рода, анархическую цѣлесообразность, выражающуюся въ слѣдующемъ: будетъ ли этотъ актъ содѣйствовать уничтоженію рабства и распространенію нашихъ идей?

Въ данномъ случаѣ безмотивный терроръ не является выразителемъ анархическаго міровоззрѣнія, ибо онъ основывается лишь на «виновности» хозяевъ и властителей вообще. Это скорѣе всего напоминаетъ крыловское изрѣченіе: «ты виноватъ уже тѣмъ, что хочется мнѣ кушать». Основываясь исключительно на «виновности», легко придти къ заключенію, что безмотивный терроръ можетъ быть примѣняемъ и къ народнымъ массамъ. Вѣдь, благодаря ихъ невѣжеству и невѣденію, держится современное государство и капитализмъ, и ту же «виновность» можно примѣнить и къ нимъ.

Нѣсколько словъ о синдикализмѣ.

Если мы, русскіе анархисты высказываемся за или противъ синдикализма, указывая его недостатки, или же защищая его хорошія качества, мы должны еще имѣть въ виду и специфическія условія русской жизни. И присматриваясь къ русской дѣйствительности, мы должны вынести отрицательное отношеніе къ синдикализму. Повторяю. Синдикализмъ прежде всего практическій вопросъ, и отношеніе къ нему анархистовъ, зависитъ отъ специфическихъ условій данной страны. Если напр., въ Англіи синдикализмъ — отрадное явленіе, такъ какъ развиваетъ революціонную самодѣятельность извѣстной части рабочихъ массъ, то во Франціи онъ уже явленіе, если не отрицательное, то во всякомъ случаѣ, не способствующее развитію анархическихъ идей. Но объ этомъ послѣ. Россія же, прежде всего, страна земледѣльческая, въ то время, какъ западно-европейскія страны пошли по пути индустріальнаго развитія. Торжество будущей русской революціи зависитъ, если не всецѣло, то главнымъ образомъ отъ революціонности крестьянскихъ массъ.

Синдикатъ, какъ организація индустріальныхъ пролетаріевъ, никоимъ образомъ не можетъ быть примѣнимъ къ крестьянской дѣйствительности. Что же касается русскихъ индустріальныхъ рабочихъ, то къ нимъ синдикализмъ также не примѣнимъ, ужъ не говоря объ анархической, но изъ чисто-революціонной точки зрѣнія. Я говорю «изъ чисто-революціонной точки зрѣнія», — ибо, еслибъ мы не вѣрили въ грядущую максималистическую революцію, еслибъ Россія пошла по пути развитія западно-европейскихъ странъ, то наша тактика, конечно, должна была бы считаться съ данными условіями этого развитія. Мы вѣримъ въ ближайшую революцію и, сопоставляя синдикализмъ съ революціей, мы должны убѣдиться, что синдикализмъ не даетъ и не дастъ того максимума требованій, который можетъ дать намъ организація другого типа во время революціи.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ синдикализмъ уже завоевалъ себѣ прочное положеніе, онъ объединяетъ въ себѣ рабочихъ на почвѣ конкретныхъ требованій и чисто профессіональныхъ интересовъ. Синдикализмъ объединяетъ только работающихъ, — безработная же масса остается извнѣ; составъ синдикатовъ смѣшанный. Съ заявленіями Пуже и Ивто, что синдикализмъ анархистиченъ, можно столько же считаться, сколько съ противоположными заявленіями такихъ центральными фигуръ французскаго синдикальнаго движенія, какъ Буске и Леви. И еслибъ Франція стояла на порогѣ революціи, то синдикальныя организаціи, какъ таковыя, распались бы на свои составные элементы — на соціалистовъ, анархистовъ, либераловъ, безпартійныхъ и т. д.; всѣ эти элементы въ настоящую минуту объединяютъ лишь общіе интересы на почвѣ конкретныхъ требованій и профессіональныхъ, повседневныхъ нуждъ. Во время же революціи, каждая группа, всякій партійный человѣкъ, находящійся въ синдикатѣ, старается извлечь изъ революціи то, что близко ея конечнымъ цѣлямъ и идеаламъ.

Россія наканунѣ революціи. Мы должны всѣ свои силы напречь на то, чтобъ развивать наши идеи и вглубь. Лучше сказать, мы должны перевоспитать массу. А для того, чтобы воспитать массу въ анархическомъ духѣ, мы должны стараться организовать рабочихъ и крестьянъ въ чисто анархическія профессіональныя и земледѣльческія организаціи, основанныя на принципахъ индивидуальной самостоятельности и децентрализаціи. А въ синдикатахъ, даже революціонныхъ, существуютъ іерархія и централизованность.

Чѣмъ больше анархическихъ организацій среди народныхъ массъ, тѣмъ ближе мы къ цѣли, тѣмъ болѣе мы можемъ быть увѣрены въ торжествѣ анархическаго идеала.

Ф. А.

N. B. Можетъ быть, я мѣстами не совсѣмъ ясно и опредѣленно выразилъ свою мысль благодаря тому,

что втиснулъ всѣ эти вопросы въ одну статью. Но они до того наболѣвшіе и такъ долго не было возможности обмѣняться мнѣніями и впечатлѣніями, — что я чувствовалъ потребность высказаться обо всемъ этомъ. И надѣюсь, что совмѣстно съ другими товарищами, намъ удастся внести въ ихъ разрѣшеніе больше опредѣленности и ясности.

Ф. А.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ ТОВ. Ф. А.

Мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ по поводу статьи тов. Ф. А. Сначала — одно замѣчаніе чисто формальнаго характера. Не вѣрно, будто-бы только въ № 5 «Раб. Міра» затронуты вопросы о максимализмѣ и минимализмѣ. Въ № 5 была дана *сводка* всего того, о чемъ писалось *во всѣхъ* номерахъ «Рабочаго Міра». Въ этомъ отношеніи всѣ №№ представляютъ собой одно *одно цѣлое*.

Перехожу теперь къ существу сдѣланныхъ товарищемъ Ф. А. замѣчаній.

Товарищъ Ф. А. правъ: нелѣпо утверждать, что мы анархисты *потому*, что замѣчаемъ соотвѣтствующія тенденціи въ массахъ.

Наличность безгосударственныхъ тенденцій въ массахъ даетъ намъ надежду и увѣренность, что не мечта — этотъ «свѣтлый приходъ», что нашъ идеалъ не чарующая сказка «безумца», а реальная возможность. Но тотъ фактъ, что масса способна къ созиданію въ духѣ анархизма, *нисколько* не объясняетъ, *почему* именно мы *эту* тенденцію предпочитали другой, — увы, столь же реальной. Согласенъ я также и съ тѣмъ положеніемъ, что «самоутвержденіе» личности играетъ важную роль въ дѣлѣ выработки анархическаго самосознанія. И мы чтимъ великую память тѣхъ, которые погибли, не дождавшись пока масса проявитъ свои свободолюбивыя стремленія.

Мы знаемъ, какъ часто фатально
— На смерть обречены
Слишкомъ ранніе предтечи
Слишкомъ медленной весны.

Все это такъ. Но развѣ «Рабочій Міръ» занимался перечисленіемъ силъ и элементовъ, способствующихъ созрѣванію идеологіи и психики анархиста? — Нѣтъ. Мы просто указывали на то, что если бы *массамъ* былъ чуждъ анархизмъ, то мы не то что не имѣли бы права называть себя анархистами, а были бы лишены возможности говорить о *массовомъ творчествѣ* въ духѣ безгосударственнаго коммунизма.

Я очень радъ, что товарищъ Ф. А. самъ отмѣтилъ и далъ мнѣ возможность подчеркнуть ту мысль, что оцѣнка анархизма, точнѣе, *цѣнность* анархизма не можетъ быть выведена изъ того факта, что мы, мозгъ, наблюдаемъ такую-то тенденцію въ массѣ. Точно также не вѣрно утвержденіе, будто къ анархизму долженъ прійти всякій, *правильно и послѣдовательно* примѣняющій индуктивно-дедуктивный методъ.

Я позволю себѣ обратить вниманіе товарища Ф. А. на примѣчаніе къ статьѣ «На очереди» (см. № 3 «Р. М.»). Тамъ подчеркивается, что намъ необходимо отвѣтить на вопросъ: «Что такое мировоззрѣніе», ибо удовлетворительный отвѣтъ *еще* не данъ. Я вполнѣ соглашаюсь *теперь* съ товарищемъ Ф. А. въ его отрицательномъ отношеніи къ безмотивному террору. Думаю, однако, что если онъ внимательно прочтетъ статью «Памяти друга» (Бориса Меца) Р-на, помѣщенную въ № 4 «маленькаго» Бунгаря, то онъ согласится со мной, что не одна лишь «виновность» буржуазіи является предпосылкой безмотивнаго террора. Разсужденія товарища Ф. А. о виновности массъ интересны, но напрасно онъ испортилъ силу своей аргументаціи неумѣстнымъ воэриэмомъ: «ты виноватъ уже тѣмъ, что хочется мнѣ кушать». Развѣ примѣняющій безмотивный терроръ въ чемъ либо похожъ на придирчиваго «волка»? И развѣ объектъ нападенія имѣетъ хотя-бы малѣйшее сходство съ невиннымъ ягненкомъ?!

Еще одно слово — о синдикализмѣ. Не въ защиту революціоннаго синдикализма пишу я. Меня просто не совсѣмъ удовлетворяетъ аргументація товарища Ф. А. Онъ заявляетъ, что вопросъ о революціонномъ синдикализмѣ — вопросъ чисто практическій и тутъ же связываетъ съ вопросами о пути, по которому пойдетъ развитіе Россіи, о судьбахъ капитализма. Вопросы, пожалуй, «практическіе», но уже очень тѣсно связанные съ проблемой историко-соціологической.

Мнѣ кажется ошибочнымъ возбудить нѣсколько устарѣлый вопросъ о роли капитализма и въ связи съ нимъ, и *только* съ нимъ, рѣшать вопросъ о нашемъ отношеніи къ синдикализму.

Думаю, что вопросъ стоитъ проще: въ Россіи ужъ давно народился пролетаріатъ, поразившій міръ своими грандіозными выступленіями. Является-ли революціонный синдикализмъ подходящей формой организаціи?

Совсѣмъ иное дѣло — указаніе автора на своеобразныя задачи русской революціи, на необходимость спеціальныхъ къ данной соціальной обстановкѣ, приспособленныхъ, организаціи. Жаль только, что товарищъ не развилъ передъ нами *организаціоннаго плана*. Надѣемся, что онъ еще вернется къ этому вопросу.

Рощинъ.

Къ теоріи революціи.

II

Большимъ распространеніемъ пользуется убѣжденіе, что грядущая революція не будетъ походить на прежнія революціи. Что грядущая революція *не должна* походить на прежнія революціи, это сознаетъ добрая часть сознательныхъ революціонеровъ, но въ чемъ именно она не должна походить на прежнія революціи, чѣмъ она существенно должна отличаться отъ нихъ, это не совсѣмъ ясно; а вѣдь въ этомъ и заключается весь вопросъ. Грядущая революція будетъ отличаться отъ прежнихъ и по *формѣ* и по *цѣли*. Русское движеніе 1905-1906 г.г. показало, что теперь, даже въ монархическихъ странахъ, нельзя свести революцію къ простому политическому перевороту. Соціальный вопросъ слишкомъ остро поставленъ жизнью, и никакая революція не можетъ обойти этотъ вопросъ, *не можетъ не попытаться разрѣшить его*.

Мы сказали, что грядущая революція будетъ отличаться отъ прежнихъ революцій, между прочимъ, и по формѣ. Изъ этого, однакожъ, не слѣдуетъ, что революціонная масса отказалась отъ прежнихъ пріемовъ борьбы. Далеко нѣтъ. Къ старымъ пріемамъ прибавились новые, дополняющіе ихъ соотвѣтственно съ требованіями все болѣе и болѣе усложняющихся условій борьбы. Ново лишь то, что раньше горсть смѣльчаковъ надѣялась своею собственною силою совершить революцію, подготовленную въ тѣни заговоровъ; теперь же горсть смѣльчаковъ играетъ лишь роль инициативнаго революціоннаго меньшинства. Конечно, и то нужно сказать, что и заговорческая дѣятельность въ извѣстномъ смыслѣ слова не можетъ быть устранена цѣликомъ изъ революціонной дѣятельности. Никакая подлинно революціонная борьба не можетъ вестись цѣликомъ открыто; есть извѣстнаго рода техническая работа, которая всегда вѣлась и всегда будетъ вестись въ тайныхъ кружкахъ. Но это касается лишь техники — и только. Не эти техническія организаціи предпринимаютъ и совершаютъ революцію. Широкая народная революція можетъ быть совершена лишь массой, дѣйствующей непосредственно на всю систему стараго строя.

Навряд ли можно найти въ революціонной литературѣ, въ революціонной рѣчи, другое выраженіе, которое употреблялось бы такъ часто, какъ *революція* и *соціальная революція*, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ другого выраженія, которое употреблялось бы въ такомъ неопредѣленномъ смыслѣ. Рѣдко, кто отдаетъ себѣ отчетъ, какому опредѣленному понятію соотвѣтствуютъ эти слова. Въ пропагандистской литературѣ, въ агитаціонной рѣчи они играютъ роль «крылатыхъ словъ», зажигающихъ и воодушевляющихъ массу. Этого зажигающаго, воодушевляющаго, «мифологическаго», такъ сказать, значенія этихъ словъ мы, конечно не станемъ отрицать. Всякому движенію нужны лозунги, «крылатыя слова», отчасти неопредѣленныя, если хотите, чтобы каждый въ моментъ броженія могъ попознить ихъ тѣмъ содержаніемъ, которое дастъ ему возможность воспламениться, воодушевиться самому, чтобъ воспламенить и воодушевить затѣмъ и другихъ. Въ революціонной борьбѣ нуженъ не только холодный разсудокъ, нужна и нѣкоторая экзальтація, вѣра, энтузіазмъ и, разумѣется, не легко примирить эти чувства со строгимъ анализомъ значенія употребляемыхъ словъ или соотвѣтствующимъ имъ содержаніемъ, однимъ словомъ, со строгой математически точной формулировкой вопросовъ, не поддающейся двоякому толкованію. Нужно, наоборотъ, чтобы понятіе было растяжимо, подходило къ каждому условію, говорило каждому сердцу, каждому воображенію.

Такими всевмѣщающими сосудами, являются слова: революція, соціальная революція. Конечно, въ качествѣ «крылатыхъ словъ», зажигающихъ вѣру, возбуждающихъ воображеніе и стимулирующихъ дѣятельность, онѣ должны быть таковыми. Но съ другой стороны, въ интересахъ творческой работы, которая неотдѣлима отъ революціонно-разрушительной дѣятельности, безъ которой послѣдняя была бы безсмысленна и необъяснима, точное опредѣленіе значенія этихъ словъ является настоятельной необходимостью.

Если «крылатыя слова» нужны для того, чтобы воодушев-

лять личности и массы, то нѣтъ сомнѣнія, что не менѣе нужно знаніе и того, во имя чего «льется кровь» и идетъ жестокая борьба. Если мы спросимъ исторію, то и она намъ скажетъ, что побѣждали лишь тѣ классы, которые боролись во имя строго опредѣленныхъ цѣлей, которые упорно, неустанно шли къ заранѣе намѣченной цѣли.

* * *

Замѣтимъ прежде всего, что слово революція, взятое отдѣльно и неопредѣленно, означаетъ лишь глубокій кризисъ въ общественныхъ отношеніяхъ. Кризисъ этотъ часто отождествляется съ понятіемъ переворота въ общественныхъ отношеніяхъ, хотя изъ факта глубокаго кризиса въ общественныхъ отношеніяхъ не слѣдуетъ съ логическою необходимостью переворотъ. Мы знаемъ примѣры изъ исторіи, когда глубокій кризисъ въ общественныхъ отношеніяхъ не приводилъ непремѣнно къ перевороту. Къ тому же, если при нѣкоторой растяжимости понятій слову «революція» можно придать только значеніе переворота, во всякомъ случаѣ оно не даетъ никакихъ указаній на характеръ этого переворота. Революція можетъ быть регрессивная и прогрессивная, какъ и переворотъ, явившійся ея результатомъ. Такъ что, если разсматривать революцію, какъ *форму дѣйствія*, то можно сказать, что есть двоякаго рода революціонеры: одни хотятъ посредствомъ насильственнаго переворота, т. е. посредствомъ быстрой ломки существующаго порядка вещей, вернуться къ старому, другіе тѣмъ же путемъ хотятъ сдѣлать шагъ впередъ и къ новымъ формамъ общежитія, зачатки которыхъ они улавливаютъ въ настоящемъ. Соціалистъ-революціонеръ, это человѣкъ недовольный существующимъ порядкомъ вещей и стремящійся къ его разрушенію, онъ сознательный отрицатель, повстанецъ, противозаконникъ, онъ выступаетъ въ качествѣ разрушителя сущаго во имя грядущаго, онъ носитель опредѣленныхъ лозунговъ *). Революція — кризисъ въ общественныхъ отношеніяхъ, «разложеніе», распаденіе общества на его составныя части, это быстрая, *насильственная* ломка существующаго порядка вещей. Такимъ образомъ, слово революція опредѣляетъ *физическія*, внѣшнія свойства извѣстнаго соціальнаго явленія (быстрая насильственная ломка существующаго порядка вещей), но не опредѣляетъ неизбѣжно направленіе этого явленія.

Какимъ же образомъ опредѣляется цѣль революціи? Революція — форма дѣйствія, внѣшняя сторона извѣстнаго историческаго процесса; характеръ же революціи опредѣляется только цѣлестремительною дѣятельностью той группы, касты или класса, которыя предпринимаютъ и руководятъ ею. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія цѣли нѣтъ одного общаго опредѣленія революціи; бываютъ революціи религіозныя, дворцовыя, политическія и соціальныя, и каждая ихъ нихъ требуетъ своего собственнаго опредѣленія. Намъ нужно опредѣлить этотъ послѣдній видъ революціи, т. е. революцію соціальную.

Изъ сказаннаго уже ясно, во-первыхъ, что понятіе соціальной революціи включаетъ въ себя два отдѣльныя понятія: понятіе о средствѣ и понятіе о цѣли; вовторыхъ, что революція означаетъ *быструю* и *насильственную* ломку существующаго порядка вещей.

Марксъ въ «Критикѣ политической экономіи» называетъ соціальною революціей болѣе или менѣе быстрый переворотъ во всей огромной юридической и политической надстройкѣ общества, явившійся результатомъ измѣненія экономическаго фундамента. Такъ опредѣляетъ Марксъ соціальную революцію. Но ни это опредѣленіе, ни комментарій къ нему Каутскаго *) не могутъ быть признаны удовлетворительными. Не всякій переворотъ, даже болѣе или менѣе быстрый, въ юридической и политической надстройкѣ, явившійся результатомъ измѣненія экономическаго фундамента, можетъ быть названъ революціей *соціальной*. Великая французская революція произвела громадный переворотъ во всей огромной юридической и политической надстройкѣ, явившейся результатомъ измѣненія экономическаго фундамента, однакожъ она не была революціей *соціальной*, а революціей *классовой*, буржуазной. Это опредѣленіе соціальной революціи, данное Марксомъ и принимаемое Каутскимъ, крайне неполно, сбивчиво и неопредѣленно; однимъ словомъ, ничего неопредѣляющее опредѣленіе. Есть только одна фраза въ этомъ опредѣленіи, которая касается сути соціальной революціи; это указаніе на то, что болѣе или менѣе быстрый переворотъ въ юридической и политической надстройкѣ долженъ явиться результатомъ измѣненія экономическаго базиса этой надстройки. Что это значитъ и въ какомъ отношеніи находятся между собою измѣненіе экономическаго базиса и происходящій переворотъ? На эти вопросы приведенное опредѣленіе не даетъ никакихъ указаній. Почему, разъ считается необходимымъ прибавить къ слову «переворотъ» слова: *болѣе или менѣе быстрый*, не принимается такая же предосторожность, когда рѣчь идетъ объ измѣненіи базиса надстройки, и не говорится, напримѣръ, такъ: соціальная революція, это болѣе или менѣе быстрый переворотъ во всей огромной юридической и политической надстройкѣ общества, являющійся результатомъ большаго или меньшаго измѣненія его экономическаго базиса? Не имѣетъ ли это безусловное подчиненіе общественнаго переворота измѣненію экономическаго базиса общества тотъ смыслъ, что всякое насильственное вмѣшательство въ соціальныя отношенія тщетно и безплодно, ибо въ такомъ случаѣ самое существенное это развитіе производительныхъ отношеній, якобы находящееся внѣ предѣловъ дѣйствія человѣческой воли, и когда эти производительныя отношенія доразовьются до новой формы, несоотвѣтствующей старымъ порядкамъ, соціальный переворотъ явится самъ собою? Нѣкоторыя мысли Маркса даютъ поводъ именно къ такому толкованію его опредѣленія соціальной революціи:

«Для того, чтобы угнетенный классъ могъ освободиться, необходимо достигнуть такой ступени развитія, на которой наличныя производительныя силы, съ одной стороны, и общественныя учрежденія съ другой, не могли бы существовать рядомъ. Организація революціонныхъ элементовъ, какъ класса, предполагаетъ развитіе всѣхъ производительныхъ силъ, какія вообще могли развиться въ нѣдрахъ стараго общества» *).

Если слѣдовать буквально указаніямъ этой схемы, пришлось бы выкинуть «дѣятельную волю» за предѣлы историческаго процесса, пришлось бы отказаться отъ всякой мысли насильственнаго вмѣшательства въ общественныя отношенія; достаточно было бы ждать спокойно, чтобы «взять въ свои руки власть, которая естественнымъ процессомъ выпадаетъ изъ рукъ буржуазіи». Но дѣло въ томъ, что точнаго параллелизма между измѣненіемъ экономическихъ основъ общества и переворотомъ «во всей огромной юридической и политической надстройкѣ общества» исторія не констатируетъ. Наоборотъ, если обратиться къ конкретнымъ примѣрамъ, мы увидимъ, что или развитіе надстройки отстаетъ отъ измѣненія экономическаго базиса общества, или измѣненіе послѣдняго отстаетъ отъ измѣненія общественной надстройки.

Развѣ съ буржуазной революціей во Франціи, съ измѣненіемъ надстройки совпало полное измѣненіе экономическихъ основъ общества? Развѣ этотъ фундаментъ былъ вполнѣ видоизмѣненъ, когда произошла революція? Развѣ этотъ фундаментъ до корня былъ измѣненъ самой революціей одновременно съ юридическими и политическими формами? Конечно нѣтъ! Частично феодализмъ пережилъ революцію, и пережитки эти сохранились даже до сего дня. Измѣненіе фундамента безусловно предшествовало и должно было предшествовать измѣненіямъ въ надстройкѣ, но оно было неизбѣжно, необходимо *лишь въ той мѣрѣ*, въ какой отъ него зависѣло возникновеніе остраго противорѣчія между старымъ и новымъ.

Если переворотъ въ надстройкѣ долженъ явиться результатомъ измѣненія фундамента, если это послѣднее является самостоятельнымъ творческимъ элементомъ, то переворотъ, дѣйствительно, можетъ не сопровождаться ломкой, въ особенности насильственной и можетъ разрѣшиться мирно политическимъ путемъ, путемъ дѣятельности существующихъ законодательныхъ органовъ, которые должны подвергаться измѣненію, соотвѣтственно измѣненію, происходящему въ самомъ фундаментѣ. Но если это не такъ — а мы держимся этого мнѣнія — если за измѣненіемъ фундамента не слѣдуетъ непосредственно измѣненіе надстройки, если эта послѣдняя и послѣ измѣненія фундамента можетъ еще держаться долго по силѣ инерціи, по силѣ рутины, по особой цѣпкости, присущей государственнымъ организаціямъ, однимъ словомъ, если она еще надолго способна сохранить свою силу, то на нее нужно воздѣйствовать силой «матеріальной критики». Въ такомъ, полномъ опредѣленіи соціальной революціи указаніе на одинъ изъ ея основныхъ признаковъ — элементъ насилія — должно быть ясно подчеркнуто. Если же, наоборотъ, какъ было указано выше, центръ тяжести лежитъ якобы въ творческой силѣ измѣненія фундамента, то не только нужно устранить изъ опредѣленія соціальной ре-

---

*) Вотъ какъ Каутскій опредѣляетъ революціонера: «... всякій, кто стремится къ тому, чтобы угнетенный до сихъ поръ классъ завоевалъ себѣ политическую власть, является революціонеромъ». Каутскій. «Общественныя реформы». Книгоиздательство Мягкаго. Москва, 1905 г.

*) См. Каутскій, Op. cit. Глава I. стр. 4.

*) Марксъ, «Нищета философіи». Цитировано по книгѣ Лабріола, «Реформизмъ и синдикализмъ». Вотъ немного иной переводъ той же цитаты: «Возможность этого освобожденія является лишь на той ступени развитія, когда пріобрѣтенныя уже производительныя силы и существующія общественныя учрежденія не могутъ долѣе уживаться рядомъ. Изъ всѣхъ орудій производства наибольшую производительную силу представляетъ самъ рабочій классъ. Организація революціонныхъ элементовъ въ классъ уже заранѣе предполагаетъ осуществленіе всѣхъ тѣхъ производительныхъ силъ, которыя могли зародиться въ нѣдрахъ стараго общества». К. Марксъ, «Нищета философіи» стр. 126. Женева, 1886 г.

волюціи ея внѣшніе признаки, но и само слово революція замѣнить какимъ-нибудь другимъ словомъ, не напоминающимъ насильственную и быструю ломку существующаго порядка вещей.

Перевороту въ надстройкѣ соотвѣтствуетъ и должно соотвѣтствовать измѣненіе въ фундаментѣ; но, какъ видно изъ сказаннаго выше, это измѣненіе не должно быть взято слишкомъ абсолютно и въ качествѣ завершившагося факта, а скорѣе, въ качествѣ развивающагося явленія; переворотъ въ такомъ случаѣ можетъ теоретически соотвѣтствовать не только тому моменту, когда это измѣненіе станетъ законченнымъ и завершившимся явленіемъ, но и тому моменту, когда это измѣненіе, не будучи еще законченнымъ и совершившимся явленіемъ, создастъ, однакожъ, непримиримое противорѣчіе между отжившимъ обществомъ и новымъ, развившимся въ нѣдрахъ стараго.

Пережитки стараго общества будутъ устраняться мало по малу уже послѣ переворота эволюціоннымъ, а не революціоннымъ путемъ, какъ пережитки феодализма мало по малу устранялись капиталистической жизнью, зачавшейся раньше, но получившей широкое развитіе послѣ французской революціи. Разъ марксизмъ пренебрегаетъ всѣми этими историческими данными, то онъ естественно долженъ устранить элементы насилія изъ своего опредѣленія соціальной революціи. Опредѣленіе соціальной революціи, даваемое марксизмомъ, можно отождествить съ понятіемъ переворота, производимаго паромъ и паровыми двигателями и, вообще, капиталистическимъ способомъ производства, когда онъ впервые вторгается въ область феодализма.

Мы вѣримъ увѣреніямъ Каутскаго, что соціалъ-демократія, практическая выразительница идей марксизма, революціонна не только въ томъ смыслѣ, въ какомъ революціонны паръ и машина. Но въ опредѣленіи революціи, формулированномъ имъ по Марксу, мы не видимъ слѣдовъ другой революціонности.

Такимъ образомъ, революція, *какъ средство, какъ способъ дѣйствія*, опредѣляется въ высшей степени туманно марксизмомъ. Въ опредѣленіи революціи, даваемомъ имъ, совершенно отсутствуетъ указаніе на внѣшніе признаки борьбы. Революція по марксистской концепціи, не есть гражданская война, поскольку съ этимъ понятіемъ связывается представленіе о *физической борьбѣ*, объ уличныхъ схваткахъ, о баррикадахъ, о «настоящихъ войнахъ и побоищахъ». *).

Мы видѣли, что по Каутскому революція не гражданская война, поскольку съ этимъ понятіемъ связывается представленіе о физической борьбѣ, мы знаемъ также, изъ того же источника, что грядущая революція, по *способамъ дѣйствія*, «должна меньше походить къ типу французской революціи и больше къ типу реформаціи».

Что же такое въ такомъ случаѣ революція по марксистской концепціи и чѣмъ она отличается отъ соціальной реформы? Это политическая борьба, законодательная дѣятельность, завершающаяся завоеваніемъ власти.

«Всякое значительное политическое преобразованіе въ современномъ крупномъ государствѣ тотчасъ же оказываетъ самое глубокое вліяніе на громадное общественное цѣлое, воздѣйствуя на него одинаковымъ образомъ и одновременно. Слѣдовательно, завоеваніе политической власти угнетеннымъ классомъ уже по одному этому должно вести за собою совершенно другія соціальныя послѣдствія, чѣмъ прежде » **).

Государство въ наше время играетъ, стало быть, по марксистской концепціи, совершенно иную роль: вліяніе завоеванія сверху распространяется одинаково и одновременно на все общество; это, конечно, не такъ, но Каутскому нужно, чтобы это было такъ, потому что разъ это такъ, то революціи не будутъ больше выражаться, какъ въ прошломъ, въ открытомъ возстаніи народныхъ массъ противъ правительствъ. На самомъ дѣлѣ, возстаніе противъ властей совершенно излишне разъ въ настоящее время самое упорное сопротивленіе мы встрѣчаемъ уже не со стороны правительствъ. Такъ, порою, читая Каутскаго, кажется, что государство въ настоящее время по какимъ то причинамъ извѣстнымъ только Каутскому, сдѣлалось совсѣмъ bon enfant, съ нимъ даже не считаются; оно добро, оно въ сторонѣ, въ настоящее время въ жестокую борьбу съ нимъ вступать не приходится.

Главное затрудненіе соціальной переворотъ встрѣчаетъ со стороны капиталистическихъ предпринимательскихъ организацій; и въ борьбѣ противъ могущественныхъ организацій эксплуататоровъ пролетаріатъ долженъ использовать, при посредствѣ своихъ организацій, «демократическія формы».

«Въ первый разъ во всемірной исторіи предстоитъ намъ революціонная борьба, при которой могутъ быть использованы демократическія формы, борьбы организацій, образовавшихся на основѣ демократическихъ вольностей, противъ синдъ, какихъ еще не видывалъ міръ, и прежде всего противъ предпринимательскихъ союзовъ, передъ которыми преклоняются даже монархи и могущество которыхъ еще укрѣпляютъ бюрократія и армія, эти выработанныя абсолютизмомъ орудія силы современнаго крупнаго государства *).

Какая можетъ быть при этихъ условіяхъ революція, кромѣ политической? И дѣйствительно, марксистская концепція соціальной революціи есть концепція чищенной политической революціи, она не требуетъ разрушенія государства, а лишь его завоеванія; по этой концепціи соціальная революція отличается отъ соціальной реформы только одной чертой — завоеваніемъ политической власти новымъ классомъ.

«Чѣмъ отличаются реформы Тюрго отъ соотвѣтствующихъ мѣропріятій революціи? Между тѣмъ и другимъ лежитъ завоеваніе политической власти новымъ классомъ. Въ этомъ, именно, заключается существенное различіе между революціей и реформой. Мѣропріятія, имѣющія цѣлью привести юридическую и политическую надстройку общества въ соотвѣтствіе съ измѣнившимися экономическими условіями, являются реформами, если онѣ исходятъ отъ тѣхъ же классовъ, которые до сихъ поръ политически и экономически господствовали надъ обществомъ, — являются реформами даже въ томъ случаѣ, когда они не даются добровольно, а вынуждаются давленіемъ со стороны угнетенныхъ классовъ или силою обстоятельствъ. Наоборотъ, такого рода мѣропріятія суть дѣянія революціи, если они исходятъ отъ такого класса, который до сихъ поръ былъ политически и экономически угнетеннымъ классомъ, а теперь завоевалъ себѣ политическую власть, и этою властью онъ въ своихъ собственныхъ интересахъ долженъ воспользоваться для того, чтобы болѣе или менѣе быстро передѣлать всю политическую и юридическую надстройку и создать новыя формы совмѣстной дѣятельности людей » **).

Посмотримъ теперь, каковы результаты такой постановки вопроса и какіе выводы слѣдуетъ сдѣлать изъ подобнаго опредѣленія соціальной революціи.

Въ послѣднее всемя декаденты марксизма, пытались изъять изъ марксизма понятіе захвата власти. Они находятъ, что это понятіе внесено въ марксизмъ лже-учениками Маркса. Печальное открытіе, ибо, еслибы это было вѣрно, то «пришлось бы признать, что до сихъ поръ Маркс не имѣлъ ни одного вѣрнаго ученика, такъ какъ всѣ марксисты признавали захватъ власти той тактической догмой, которая открывала двери въ соціалъдемократическую церковь. На самомъ дѣлѣ, нельзя же допустить, что единственными вѣрными учениками Маркса являются нео-марксисты, эти декаденты марксизма.

Принципъ захвата власти не есть фальшь, внесенная въ марксизмъ его лже-учениками, а подлинное «творчество» самаго учителя. Можно было бы привести многочисленныя историческія данныя для доказательства этого положенія, но это значило бы ломиться въ открытыя двери. Укажемъ, однакожъ, что самъ Маркс считалъ своей главной заслугой въ выработкѣ теоріи классовой борьбы не ея открытіе, а лишь указаніе на необходимость захвата власти пролетаріатомъ.

«Что касается меня, писалъ онъ, то не нужно приписывать мнѣ ни открытія существованія классовъ въ современномъ обществѣ, ни ихъ антагонизма. Задолго до меня буржуазные историки указали на историческое развитіе этой борьбы классовъ, и буржуазные экономисты изслѣдовали экономическую анатомію классовъ. Что я сдѣлалъ новаго, это то, что я указалъ: 1) что существованіе классовъ связано съ историческимъ развитіемъ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ конфликтовъ въ производствѣ; 2) что эта борьба классовъ неизбѣжно ведетъ къ диктатурѣ пролетаріата; 3) что сама эта диктатура есть ничто иное какъ переходный періодъ къ исчезновенію классовъ и къ обществу безъ классовъ» ***).

Эта цитата вполнѣ достаточна для установленія того, что

*) Каутскій говоритъ, что грядущую революцію онъ назвалъ бы продолженіемъ грандіозной войной, если бы съ этимъ понятіемъ не связывалось представленіе о настоящихъ войнахъ и побоищахъ. Приводимъ это мѣсто цѣликомъ:

«Если, такимъ образомъ, прежнія революціи были возмущеніями народныхъ массъ противъ правительства, то грядущая революція, — исключая, можетъ быть Россію, — должна бы носить характеръ борьбы одной части народа противъ другой; въ этомъ, но только въ этомъ она должна бы меньше походить къ типу французской революціи и больше къ типу реформаціи. Я сказалъ бы даже, пожалуй, что грядущая революція будетъ въ меньшей степени походить на внезапное возмущеніе противъ властей и въ большей степени на продолжительную *гражданскую войну*, еслибъ съ этимъ послѣднимъ словомъ не соединялось представленіе о настоящихъ войнахъ и побоищахъ. Мы не имѣемъ никакихъ основаній предполагать, чтобы вооруженныя возстанія, битвы на баррикадахъ и тому подобные военные эпизоды могли бы еще и теперь играть рѣшающую роль,—доказательство этого положенія приводились уже такъ часто, что мнѣ нѣтъ надобности еще останавливаться на нихъ».

Каутскій. Op. cit., гл. VII. стр. 90.

*) Каутскій, Op. cit., гл. IV, стр. 26.

*) Каутскій. Op. cit., гл. VII., стр. 87.

**) Каутскій. Op. cit., гл. I. стр. 5-6.

***) Изъ писемъ Маркса къ Sorge. «Mouvement socialiste». № 188.

внесъ въ марксизмъ концепцію захвата власти. Напомнимъ, однакожъ, еще уже цитированный нами изъ другомъ мѣстѣ *) манифестъ Интернаціонала, писанный рукою Маркса, въ которомъ захватъ власти изображается имъ первой обязанностью рабочаго класса, и резолюцію лондонской конференціи 1875 г., подписанную на ряду съ другими и Марксомъ, въ которой опять напоминается, что захватъ власти есть первая обязанность рабочаго класса.

Итакъ, разъ соціальная революція, по марксистской концепціи, есть продолжительная гражданская война, *лишенная внѣшнихъ признаковъ гражданской войны, т. е. элемента насилія, и имѣющая цѣлью захватъ власти, она не можетъ быть ничѣмъ, инымъ, какъ политико-парламентской борьбой, имѣющей своимъ объектомъ завоеваніе власти*, а это приводитъ насъ къ необходимости разсмотрѣть революціонное значеніе парламентризма, т. е. тѣхъ «демократическихъ формъ», на которыя такъ настойчиво указываетъ Каутскій. Но это весьма нелегкая задача. На самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего болѣе неопредѣленнаго въ марксистской концепціи общественнаго переворота, чѣмъ эта связь парламентской дѣятельность съ захватомъ власти. Извѣстно только, что парламентская дѣятельность, въ связи съ организаціей пролетаріата въ особую политическую партію, должна подготовить необходимыя условія для захвата власти. Но какъ и въ какой формѣ послѣдній долженъ осуществиться, съ какой стороны парламентаризмъ связанъ съ нимъ, объ этомъ намъ ничего или почти ничего неизвѣстно.

Захватъ власти — общественный переворотъ, но переворотъ политическій, дающій лишь средство — власть — для совершенія болѣе или менѣе быстраго экономическаго переворота. Самый важный моментъ, слѣдовательно въ этой концепціи революціи, это — захватъ власти; послѣдній и есть настоящая революція, ибо экономическій переворотъ, болѣе или менѣе быстро слѣдующій за нимъ, явится его обязательнымъ послѣдствіемъ, проведеніе котораго въ жизнь не требуетъ уже революціонныхъ дѣйствій, а спокойно разсчитанныхъ государственныхъ мѣръ. Въ какой связи находится парламентская борьба съ этой основной частью общественнаго переворота, каковъ механизмъ захвата власти? На основаніи того немногаго, что мы можемъ найти въ марксистской литературѣ на этотъ счетъ, мы можемъ построить двѣ гипотезы:

1) При расширеніи и усиленіи парламентской дѣятельности, при соотвѣтствующемъ расширеніи и усиленіи политико-классовой организаціи рабочаго класса можно себѣ представить, что черезъ одно или два столѣтія соціальдемократія пріобрѣтетъ большинство не только въ парламентѣ но и въ странѣ. Допустимъ, что это случилось и послѣдніе выборы закончились полнымъ торжествомъ соціальдемократіи и въ первый разъ въ парламентѣ они образуютъ огромное большинство. Министръ-президентъ читаетъ декларацію правительства, она не соціалистическая, конечно, огромное большинство отказываетъ въ довѣріи министерству, и послѣднее падаетъ. Смятеніе въ лагерѣ буржуазіи. День страшнаго суда насталъ. Что дѣлать? Пока не все потеряно для буржуазіи, — исполнительная власть находится въ ея рукахъ. Парламентъ распускаютъ. Начинаются новые выборы, а въ промежуткѣ буржуазія управляетъ страною безъ парламента. Предположимъ, что новые выборы кончаются новымъ торжествомъ соціальдемократіи, и правящая буржуазія вновь распускаетъ парламентъ, но соціальдемократы и тутъ не поддаются на «провокацію», они опытные люди, они знаютъ, что «сила давно стала реакціоннымъ факторомъ» и третій разъ идутъ къ урнамъ, — и опять выборы кончаются побѣдой соціальдемократіи. Эта гигантская драма разыгрывается передъ всей страной, которая знаетъ, на чьей сторонѣ правда. Соціальдемократія «сжимая кулаки въ карманѣ», все не поддается на «провокацію» буржуазіи, которая видѣла послѣднее спасеніе въ уличной схваткѣ и теперь побѣждена достойнымъ поведеніемъ соціальдемократіи; къ тому же буржуазія страшится отвѣтственности, грозящей ей въ случаѣ упорства и уступаетъ, т. е. соглашается сама себѣ подписать смертный приговоръ. Образуется соціальдемократическое министерство (17 министерствъ по одному французскому проекту), которое приступаетъ къ болѣе или менѣе быстрому осуществленію экономическихъ мѣропріятій, описанныхъ Каутскимъ въ его книгѣ «Общественныя реформы»; мѣропріятія эти начинаются съ введенія 8-ми ч. рабочаго дня, съ улучшенія гигіеническихъ условій труда, и отдѣленія церкви отъ государства, а затѣмъ постоянной арміи милиціей; къ этимъ мѣропріятіямъ безспорно прибавятъ еще улучшеніе быта жандармовъ. Это, конечно, не все, будутъ предприняты и болѣе рѣшительныя мѣры, но потомъ, мало-по-малу, законодательнымъ путемъ.

Все это можетъ показаться плохой шуткой, однакожъ, многіе соціальдемократы такъ наивно представляютъ себѣ грядущій соціальный переворотъ. Даже самъ Энгельсъ грѣшилъ немного такой наивностью *); во всякомъ случаѣ его наивная вѣра въ революціонное значеніе численнаго роста соціальдемократіи и ея представителей въ парламентѣ сдѣлалось точкой исхода того наивнаго представленія о грядущемъ соціальномъ переворотѣ, типичнымъ представителемъ котораго являлся Гедъ, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ.

«Лишь при помощи легальнаго оружія, всеобщаго избирательнаго права, говоритъ онъ, коллективистская армія фатально сдѣлается владычицей власти и республики, и тогда она будетъ дѣйствовать не ради выгоды нѣсколькихъ ажіотеровъ, а въ пользу всѣхъ рабочихъ всѣхъ рабочихъ, она поступитъ, какъ поступила революція прошлаго вѣка, которою вы (буржуа) стараетесь прикрываться; онъ объявитъ національной собственностью желѣзныя дороги, шахты, заводы и землю» *).

2) Вторая гипотеза имѣетъ нѣкоторое преимущество передъ первой. Въ этой второй гипотезѣ имѣются всѣ элементы первой плюсъ одинъ новый элементъ — политическая стачка, которая должна дополнить политико-парламентскую борьбу, облегчить совершеніе основного революціоннаго шага — захвата власти. Какъ и какимъ путемъ, объ этомъ мало что извѣстно. Даны политико-парламентская борьба и политическая стачка, эти два элемента нужно комбинировать такъ, чтобы въ результатѣ получился захватъ власти, т. е. переходъ власти къ новому классу, въ этомъ и выражается революція, по утвержденію Каутскаго, какъ мы уже знаемъ. Какимъ образомъ должна произойти такого рода комбинація? Характеръ дѣятельности современной соціальдемократіи даетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Чѣмъ больше растетъ соціальдемократическая партія, чѣмъ больше увеличивается число соціальдемократическихъ избирателей, чѣмъ больше становится число соціальдемократическихъ депутатовъ въ центральныхъ и мѣстныхъ политическихъ учрежденіяхъ, чѣмъ больше соціальдемократія забираетъ въ свои руки отъ имени «класса», представительницей котораго она является, всѣ полезныя общественныя функціи, т. е. чѣмъ больше она становится «классомъ», фактически руководящимъ общественной жизнью, тѣмъ больше политическія отношенія въ странѣ будутъ обостряться, и соціальдемократія будетъ принуждена сдѣлать необходимый шагъ къ захвату власти.

Это вполнѣ естественно: классъ, выносящій на себѣ всѣ общественныя обязанности, долженъ будетъ получить соотвѣтствующее юридическое право. Но немногочисленная правящая каста можетъ не захотѣть этого и, пользуясь тѣмъ, что это юридическое право находится въ ея рукахъ, можетъ предпринять агрессивныя мѣры, чтобъ помѣшать торжеству новаго права; даже больше она можетъ попытаться ограничить или исказить тѣ «демократическія формы», на которыя Каутскій возлагаетъ столько блестящихъ надеждъ. Тогда соціальдемократія можетъ прибѣгнуть къ своему вспомогательному средству, къ политической массовой стачкѣ, которая можетъ имѣть двоякое приложеніе: а) помѣшать господствующимъ классамъ подорвать тѣ демократическія учрежденія, при помощи которыхъ соціальдемократія фатально, какъ выражается Гедъ, идетъ къ своему торжеству, т. е. помѣшать господствующимъ классамъ какими-нибудь агрессивными мѣрами задержать политико-парламентскіе успѣхи соціальдемократіи. Въ этомъ случаѣ политическая массовая всеобщая стачка является, какъ мы видимъ, средствомъ устраненія и средствомъ оборонительнымъ. в) Но могутъ создаться условія, при которыхъ политической массовой стачкѣ можно будетъ воспользоваться въ качествѣ наступательнаго средства. Условія эти могутъ выразиться, съ одной стороны въ обостренной борьбѣ между партіями въ парламентѣ, а съ другой — въ сильномъ возбужденіи всей страны, какъ это было, напримѣръ, въ Италіи во время итало-абиссинской войны и въ Россіи во время русско-японской войны. Возбужденіе въ Италіи въ это время, какъ извѣстно достигло крайняго напряженія. Криспи былъ убитъ и въ политическомъ, и въ нравственномъ отношеніи. Многіе увѣряютъ, и не безъ основанія, что еслибы Кавалотти не струсилъ, союзъ республиканцевъ и соціалистовъ могъ бы захватить въ свои руки весь парламентъ, провозгласить паденіе Савойской династіи и образовать изъ своей среды революціонное правительство. При условіяхъ, въ которыхъ находилась тогда Италія это, пожалуй, было возможно. Такая возможность можетъ еще возникнуть. Не забудемъ, что организаціонная сила итальянскихъ республиканцевъ и соціалистовъ, вмѣстѣ взятыхъ, далеко уступаетъ организаціонной силѣ нѣмецкой соціальдемократіи. Обладай тогда итальянскіе соціалисты той силой, какой обладаютъ въ настоящее время нѣмецкіе соціальдемократы, возможно, что въ Италіи теперь была бы республика.

*) См. брошюру: «Какъ и изъ чего развился революціонный синдикализмъ».

*) См. предисловіе Энгельса къ «Классовой борьбѣ во Франціи».

**) Рѣчь въ парламентѣ отъ 25 іюля 1897 г.

Соціальдемократія должна быть готова, чтобы своевременно использовать подобныя возможности. Если при большой организованной силѣ такія условія, еще больше усложненныя массовой политической стачкой, возникнутъ снова, то соціальдемократія, конечно, не преминетъ воспользоваться ими. Ей не трудно будетъ овладѣть перепуганнымъ и растерявшимся парламентомъ, и кто нибудь болѣе смѣлый, чѣмъ Кавалотти, можетъ взять на себя иниціативу образованія революціоннаго правительства, которое будетъ встрѣчено съ восторгомъ, въ особенности послѣ дискредитированія и паденія старой власти. Это революціонное правительство сумѣетъ укрѣпить свою позицію, ослабить позицію буржуазной партіи и, когда оно будетъ увѣрено въ своей побѣдѣ, назначитъ новые выборы, которые придадутъ его власти законный характеръ. Революція будетъ законной. Экономическія мѣропріятія, которыя новая власть предприметъ потомъ и которыя начнутся съ исполненія «неисполненныхъ обѣщаній» буржуазіи, будутъ проводиться въ жизнь не революціонной силой, а силой установившейся и получившей законную санкцію власти.

Таковы двѣ гипотезы о механизмѣ захвата власти, какія можно себѣ представить, на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя имѣются въ соціальдемократической литературѣ.

Подведемъ итогъ всему сказанному выше. Революція — средство, характеризующееся извѣстными опредѣленными внѣшними признаками, главнымъ элементомъ которыхъ является сила. Она имѣетъ своимъ объектомъ существующій порядокъ вещей, цѣлью — его разрушеніе. Полное разрушеніе стараго порядка вещей и временное безвластіе — моментъ творчества — предшествуетъ сотроительству новаго. Анализъ же марксистской концепціи соціальнаго переворота выяснилъ намъ, что въ опредѣленіе, данное этой концепціей революціи, эти внѣшніе признаки не входятъ. По этому опредѣленію существующій порядокъ вещей не разрушается. Революціей просто пріобрѣтается сила — власть, заключающая въ себѣ въ потенціи это разрушеніе эволюціоннымъ путемъ. *Разрушеніе по марксистской концепціи не есть ломка, а видоизмѣненіе посредствомъ мѣропріятій, являющихся результатомъ законной дѣятельности установившейся новой законной власти. Концепція эта не требуетъ, стало быть, разрушенія государства, а лишь его завоеваніе новымъ классомъ. Завоеваніе угнотеннымъ классомъ политической власти и есть соціальная революція.*

Соціальная революція — революція совершающаяся въ интересахъ опредѣленнаго класса, не требующая разрушенія государства, если, конечно, это такое государство, которое не ставитъ преградъ развитію «демократическихъ формъ»; достаточно захватить его въ свои руки и при его помощи осуществить соціалистическій идеалъ въ видѣ цѣлаго ряда экономическихъ мѣропріятій. Соціальная революція, это продолжительная гражданская война, безъ внѣшнихъ признаковъ гражданской войны (безъ уличныхъ схватокъ, безъ возстанія противъ властей, безъ баррикадъ, однимъ словомъ, безъ «войнъ и побоищъ»), т. е. обостренная политико-парламентская борьба, дополняемая уличной агитаціей; она имѣетъ объектомъ захватъ власти — цѣлью — соціальныя мѣропріятія (политическія и экономическія), посредствомъ завоеванной и узаконенной власти. Такова марксистская концепція соціальной революціи.

К. Оргеіани.

Новый Интернаціоналъ.

«Не вооруженныя возстанія дали двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ силу христіанскому Интернаціоналу, — побѣду эту дала его организація. И современный пролетаріатъ также восторжествуетъ благодаря организаціи, первой и высшей формой которой является Интернаціональная Рабочая Ассоціація, — объединеніе пролетаріевъ всѣхъ странъ».

(Іеккъ. «Интернаціоналъ»).

Запутанность международныхъ отношеній, ежеминутно угрожавшая разрѣшиться обще-европейской войной, побудила къ реагированію также и Международное Соціалистическое Бюро. Реагированіе заключалось въ созывѣ 24-25 ноября чрезвычайнаго Конгресса, который состоялся въ Базелѣ. Этотъ чрезвычайный Конгрессъ, собственно говоря, былъ чрезвычайнымъ только по неожиданности своего созыва, а не по результатамъ. Какъ и всѣ соціалистическія начинанія, онъ окончился невинной резолюціей, изобилующей историческими справками и свидѣтельствующей о нѣкоторой эрудиціи ея авторовъ. Но смысла въ ней нѣтъ. Она ничего не устранила, ничего не внесла новаго, никого не напугала. Она только увеличила тотъ никому ненужный ворохъ бумажныхъ резолюцій, которыми завалены шкафы и полки Международнаго Бюро.

Но мы здѣсь не собираемся критиковать ни авторовъ резолюціи, ни вообще дѣятельность Конгресса. Отсутствіе смысла въ соціалистическихъ резолюціяхъ давно уже перестало поражать кого бы то ни было. Объ этомъ уже больше не говорятъ, потому что это всѣмъ хорошо извѣстно. Будемъ же говорить не о томъ, что сдѣлалъ Конгрессъ, или вѣрнѣе: не о томъ, чего онъ не сдѣлалъ, а о Рабочемъ Интернаціоналѣ, который внѣ всякихъ политическихъ партій и государственно-правовыхъ нормъ ежедневно проявляетъ себя въ непосредственной борьбѣ, направленной къ ослабленію и, въ конечномъ счетѣ, къ уничтоженію капитализма.

Базель не въ первый разъ явился мѣстомъ собранія Рабочаго Интернаціонала. Сорокъ три года тому назадъ, въ 1869 г., здѣсь же имѣлъ мѣсто IV конгрессъ Стараго Интернаціонала, по поводу котораго англійская газета «Times» тогда сказала: «Интернаціоналъ имѣетъ великую душу, но маленькое тѣло».

Тогда преобладало мнѣніе, что дни буржуазнаго строя сочтены. Вопросъ могъ еще итти только о томъ, какимъ образомъ осуществится гибель капитализма.

Дѣйствительность, однако, не оправдала надеждъ и разсчетовъ дѣятелей Стараго Интернаціонала. Для перестройки жизни на новыхъ началахъ равенства и братства оказалось недостаточнымъ имѣть только великую душу, — необходимо было также крѣпкое, мощное тѣло.

Старый Интернаціоналъ, державшійся не на реальной силѣ, а только на красивой идеѣ, долженъ былъ распасться. Но рабочее движеніе за прошедшія со времени его распада четыре десятилѣтія вновь должно было вынести его. Первоначальный принципъ международной организаціи рабочаго движенія, вѣрный самъ по себѣ, не имѣлъ реальныхъ корней въ стройно-организованныхъ національныхъ организаціяхъ. Рабочій классъ былъ вынужденъ сначала сорганизоваться по національностямъ, укрѣпить свои національные синидикаты, чтобы затѣмъ только осуществить объединеніе своихъ отдѣльныхъ, но уже дѣйствительно существующихъ мощныхъ кадровъ въ одну громадную армію — Новый Интернаціоналъ.

Это — послѣдній періодъ организаціи рабочаго движенія, и намъ суждено быть свидѣтелями его наступленія. Нынѣ тѣло рабочаго класса выросло, а духъ его остался такимъ-же великимъ и сталъ болѣе яснымъ. Іеккъ, ошибочно видѣвшій тактику Рабочаго Интернаціонала въ политической борьбѣ, Іеккъ, этотъ пристрастный, несправедливый, а потому часто и неправдивый, историкъ Интернаціонала, былъ однако, совершенно правъ въ своемъ основномъ положеніи, что Новый Интернаціоналъ является не только воспоминаніемъ прошлаго, не только побѣдой настоящаго, но и задачей будущаго. Прибавимъ отъ себя: близкаго будущаго. Ибо съ того момента, какъ онъ началъ переходить отъ обсужденія принциповъ къ провозглашенію необходимости непосредственнаго дѣйствія, онъ началъ живое дѣло разрушенія капиталистическаго порядка.

Рабочій классъ все больше освобождается отъ вліянія соціалистическаго Интернаціонала, безпомощно плетущагося въ хвостѣ рабочаго движенія и занимающагося лишь проповѣдью парламентскаго словоговоренія. Послѣ каждаго соціалистическаго конгресса, почему то называемаго пролетарскимъ, въ рабочихъ массахъ усиливается реакція противъ соціалистической партіи, безсильной сорганизовать *дѣйствіе*, а они устремляются въ революціонные синдикаты.

Послѣ Базельскаго Конгресса, слабость политиканствующихъ соціалистовъ или соціалистическихъ политикановъ проявилась съ сугубой очевидностью. Они даже въ такой моментъ, когда надъ міромъ нависла угроза всеобщей войны, не ушли въ своихъ рѣшеніяхъ дальше резолюцій штуттгартскаго и копенгагенскаго Конгрессовъ, состоявшихся въ мирное время. Дѣйствительно, манифестъ соціалистическаго Интернаціонала точно не указываетъ ни одного реальнаго средства сопротивленія, не даетъ, въ смыслѣ тактики, ни одной

ясно формулированной директивы, совершенно не упоминаетъ о необходимости *активнаго* сопротивленія войнѣ.

Собравшіеся въ Базелѣ международные проповѣдники парламентской революціи и сами, конечно, ощущали нѣкоторую неловкость за робкость своего стыдливаго прекраснодушія, боящагося называть вещи присущими именами. И вождь австрійскихъ соціальдемократовъ, Адлеръ, пытался объяснить благодарной аудиторіи, что отсутствіе радикальныхъ лозунговъ слѣдуетъ понимать какъ неизбѣжный результатъ бѣдности человѣческой рѣчи. «Ясно формулировать мысль не всегда бываетъ возможно», сказалъ онъ. «Я приглашаю Конгрессъ считаться не со словами, а съ духомъ предлагаемой резолюціи, и принять ее».

Такая ссылка на слабость человѣческой рѣчи, сдѣланная очень краснорѣчиво однимъ изъ наиболѣе краснорѣчивыхъ соціалистическихъ парламентаріевъ, не всѣхъ, конечно, удовлетворила. Старѣйшій изъ немногихъ, присутствовавшихъ на Конгрессѣ дѣйствительныхъ революціонеровъ коммунаръ Вальянъ, счелъ необходимымъ взять подъ свою защиту человѣческую способность ясно выражаться и доказалъ немного смущенному Конгрессу, что у здраномыслящихъ людей для формулированія каждой мысли всегда могутъ найтись вполнѣ соотвѣтствующія точныя выраженія.

«Французская делегація,—заявилъ онъ, — пріѣхала на Конгрессъ съ императивнымъ мандатомъ предложить въ качествѣ единственнаго цѣлесообразнаго средства протеста противъ войны — всеобщую забастовку. И если мы нашли возможнымъ голосовать за предложенную резолюцію, то лишь потому, что она, «глухо говоря о «всѣхъ средствахъ», можетъ включать и всеобщую забастовку».

Страшное слово, вокругъ и около котораго въ теченіе двухъ дней на цыпочкахъ ходили всѣ редакціонныя комиссіи Конгресса, боясь назвать его, было произнесено. Бомба взорвалась. И въ этотъ моментъ для многихъ конгрессистовъ стало ясно, что пролетаріатъ, несмотря на всѣ затушевыванія и недомолвки, въ рѣшительный моментъ пойдетъ по пути *революціоннаго дѣйствія*, перешагнувъ черезъ всѣ резолюціи, старательно стилизованныя господами политиками.

Пролетаріатъ, какъ классъ, революціоненъ и интернаціоналенъ. Въ моменты острой борьбы онъ всегда рѣзко отворачивается отъ соціалистической опеки и обращается къ непосредственному дѣйствію, къ которому его призываетъ революціонный синдикализмъ. И чѣмъ больше обостряется классовая борьба, тѣмъ неизбѣжнѣе сгаповится для него организація въ анодитическіе синдикаты.

Отношеніе **политиковъ** — въ томъ числѣ, конечно, и соціальдемократовъ — къ пролетаріату прекрасно выражено нынѣ ренегатствующимъ Сорелемъ.

«Политики, — говорилъ онъ, — разсуждаютъ о соціальныхъ конфликтахъ точно такъ, какъ дипломаты о международныхъ дѣлахъ: военная сторона этихъ конфликтовъ ихъ мало интересуетъ, они видятъ въ сражающихся лишь орудіе. Пролетаріатъ — ихъ армія, которую они любятъ съ той же любовью, какою губернаторъ какой-нибудь колоніи любитъ свои вооруженныя шайки, покоряющія его капризамъ толпы негровъ; они стараются увлечь пролетаріатъ, чтобы ускорить крупныя сраженія, которыя должны отдать въ ихъ руки государственную власть... Но пролетаріатъ для нихъ лишь пушечное мясо и больше ничего»...

«Чѣмъ больше распространится и разовьется синдикализмъ, — говоритъ Сорель въ другомъ мѣстѣ, — освобождаясь отъ старыхъ предразсудковъ, идущихъ отъ стараго режима и католической церкви черезъ посредство писателей, профессоровъ философіи и историковъ революціи, тѣмъ больше и больше соціальные конфликты будутъ носить характеръ чистой борьбы, вполнѣ аналогичной борьбѣ двухъ враждебныхъ армій».

Мы видимъ, что развитіе синдикализма — неизбѣжный, стихійный процессъ, вытекающій изъ обострѣнія классовой борьбы и изъ необходимости для пролетаріата имѣть свое собственное, специфически-пролетарское орудіе борьбы, направленное одновременно противъ капитализма и охраняющаго его государства. А вмѣстѣ съ развитіемъ синдикализма крѣпнетъ и растетъ Новый Интернаціоналъ, синдикалистическій, которымъ характеризуется послѣдній періодъ организаціи рабочаго движенія.

Александръ Ге.

Намъ кажется, что тов. Александръ Ге черезчуръ увлекся соблазнительной антитезой (противопоставленіемъ) души и тѣла. Вридъ-ли старый Интернаціоналъ отличался «безтѣлесностью», вридъ-ли въ Новомъ Интернаціоналѣ наблюдается такая завидная гармонія души и тѣла.

Редакція.

ЗАМѢТКА НА ЗЛОБУ ДНЯ.

Мы утописты. Мы не учитываемъ фактовъ дѣйствительности, а, витая въ облакахъ, строимъ свои теоріи. Такіе упреки раздаются по нашему адресу со стороны нашихъ противниковъ?

Такъ ли это? Не изъ дѣйствительности ли черпаемъ мы наши наблюденія для выводовъ о методахъ борьбы пролетарскихъ массъ? И развѣ не изъ фактовъ исходимъ мы, когда недемъ на этой плоскости полемику съ нашими противниками.

Взять хотя-бы старый споръ, споръ о томъ, насколько совмѣстима дѣятельность въ законодательныхъ учрежденіяхъ съ революціонной классовой борьбой. Вѣдь, жизнь на каждомъ шагу даетъ подавляющее количество иллюстрацій того факта, что принципы классовой борьбы приносятся въ жертву демократіи. Мы въ своей «замѣткѣ» напомнимъ только о двухъ фактахъ.

Мы говоримъ во-первыхъ: о выступленіи предсѣдателя финляндскаго сейма с-д. Гокоя и, во вторыхъ, о поведеніи 4 членовъ (с-д-товъ) городскаго самоуправленія г. Цюриха во время всеобщей стачки 12 іюля 1912 г.

Подробности вѣроятно еще памятны. Финская с-д-ія, чтобы имѣть возможность вести законодательную работу (соціальное законодательство!), проводитъ своего предсѣдателя, въ противовѣсъ кандидату прогрессивно-буржуазнаго блока, и поручаетъ ему отвѣтить на привѣтствіе генералъ-губернатора Зейна, выраженіемъ вѣрно-поданническихъ чувствъ, и это вопреки установившемуся обычаю выражать въ этой рѣчи протестъ противъ позорнаго поведенія русскаго монарха, «великаго князя финляндскаго» тожъ. — Вотъ текстъ рѣчи: «Ваше Высокопревосходительство, отъ имени сейма выражаю вѣрноподаническое высокопочитаніе его императорскому величеству государю императору и великому князю».

Четыре с-д-скихъ члена цюрихскаго самоуправленія голосуютъ вмѣстѣ съ буржуазными членами запретъ выставлять рабочими Streikposten въ защиту отъ штрейкбрехеровъ, — все для спасенія общественнаго спокойствія г. Цюриха.

Два важныхъ пункта с-д-ской работы! Участіе въ общегосударственной и муниципальной жизни страны, двѣ цитадели, откуда должны быть направлены ихъ стрѣлы въ современный строй (по ихъ терминологіи...), и обѣ, позорно сданы!

Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь, даже далеко не всѣ юристы-буржуа отрицаютъ право пролетаріата защищаться отъ напыща штрейкбрехеровъ! И вотъ мы дошли до того, что соціалисты это священное право рабочихъ попираютъ ногами. И эти люди еще козыряютъ «классовой точкой зрѣнія».

Не стоило бы, конечно, останавливаться на такихъ «мелкихъ» фактахъ, если бы они были случайными. Но если хоть мелькомъ присмотрѣться къ современной соціальной жизни, то можно видѣть, что эти факты типичны для цѣлаго ряда явленій: больше того, они не результатъ злой воли отдѣльныхъ лидеровъ или группъ, какъ это хотятъ представить нѣкоторые устыдившіеся ортодоксы или соціалъ-революціонеры государственники. Они—неизбѣжный этапъ по тому скользкому пути завоеванія государственно-политической власти, который избранъ (выдвинутъ жизнью, конечно!?) соціалистами-демократами, и рекомендуется рабочему классу, какъ единственно вѣрный путь къ его окончательному освобожденію. Не разъ нами указывалось на тѣ опасности, которыя грозятъ соціализму, если проповѣдники послѣдняго начнутъ принимать дѣятельное участіе въ государственныхъ учрежденіяхъ.

Приведенные факты въ высшей степени ярко свидѣтельствуютъ о томъ, что иллюзіи гибнутъ, а факты остаются. Иллюзія о томъ, что можно совмѣстить законодательную борьбу съ веденіемъ революціонной классовой борьбы погибла давно. А печальные факты о дѣятельности парламентаріевъ остаются и впредь незамѣнимымъ средствомъ антипарламентской пропаганды. Они говорятъ объ одномъ: *или* парламентаризмъ *или* революціонная классовая борьба. Примирить то и другое невозможно.

Рабочій А-ѳа.

БИБЛІОГРАФІЯ.

А. Кочегаровъ. Земельная программа анархистовъ-коммунистовъ. Изданіе листковъ «Хлѣбъ и Воля».

Брошюра т. Кочегаровъ интересна, – и мы обращаемъ на нее вниманіе работниковъ. Напрасно только авторъ счелъ возможнымъ назвать брошюру — программой. Нѣтъ, это не программа! Программа требуетъ точной, ясной формулировки основныхъ теоретическихъ положеній и практическихъ выводовъ. *Этой* точностью указанная брошюра не отличается. И все-же, повторяемъ, брошюра интересна. Авторъ рѣзко подчеркиваетъ тотъ фактъ, что крестьянину чужда психологія собственника. «Крестьяне на сѣверѣ и югѣ, востокѣ и западѣ называли землю ничьей, вольной, общей, всѣмъ одинаково принадлежащей» (стр. 7). Авторъ брошюры — «максималистъ», онъ увѣренъ, что городской пролетаріатъ и крестьянство должны взять въ свои руки дѣло строенія новой жизни. Цѣнно въ брошюрѣ и то, что авторъ горячо и убѣдительно уговариваетъ пропагандистовъ — бросить напыщенный, лже-народный тонъ и подойти къ жизни крестьянъ *просто*. Тогда лишь пропаганда будетъ плодотворной, тогда лишь пропагандисту станетъ ясно, что многія затрудненія — мнимыя, выдуманныя. Возьмемъ вопросъ о поднятіи уровня техники. Если намъ удастся доказать, что введеніе такихъ то улучшеній разумно, цѣлесообразно, выгодно — вашъ совѣтъ будетъ принятъ съ благодарностью. Авторъ приводитъ много фактовъ, убѣдительно доказывающихъ, до какой степени живъ въ крестьянствѣ духъ коммунизма, способность къ *самоуправленію*. Жаль, что авторъ не счелъ нужнымъ дать краткій очеркъ возникновенія понятія частной собственности на землю, этого установленія совершенно неизвѣстнаго «Русской Правдѣ». Авторъ черезъ-чуръ легко обходитъ вопросъ о наличности индивидуалистическихъ тенденцій среди малороссовъ, — въ отличіе отъ великороссовъ. Напрасно также т. Кочегаровъ ничего не говоритъ о томъ, какъ сложатся отношенія города и деревни въ томъ случаѣ, если городскому пролетаріату не удастся соціализировать фабрики и заводы.

Поднѣйшее недоумѣніе вызываютъ слѣдующія слова автора:

«Говорится, что жители Кавказа, поляки, латыши и пр. не согласятся коммунизировать землю. Очень, жаль, если это правда (что, впрочемъ, сомнительно), но вѣдь мы не желаемъ вмѣшиваться (?) въ дѣла всѣхъ народовъ.... Не наше дѣло (?) заботиться о дѣлахъ нынѣ порабощенныхъ Россіей иностранцевъ(?). Никто насъ не проситъ объ этомъ. Они будутъ свободны, и сами устроятся, какъ пожелаютъ».

Странныя рѣчи въ устахъ автора земельной программы анархистовъ-коммунистовъ! «Они будутъ свободны и устроятся *какъ пожелаютъ*» — очень либерально, да только *намъ* не безразлично, какъ и что «они» пожелаютъ, ибо если „пожелаютъ" рабства, то «мы» такъ же должны бороться съ этимъ зломъ на Кавказѣ, въ Польшѣ, такъ и въ Саратовской и Уфимской губерніяхъ.

Мы *должны* вмѣшиваться въ жизнь «иностранцевъ». Мы хотимъ свободы и боремся со всѣми ей враждебными теченіями, и наше «вмѣшательство» ничего общаго не имѣетъ съ тѣмъ, которое практикуетъ нынѣ *всѣхъ* поработившая царская Россія Развѣ существуютъ границы для нашего «вмѣшательства»? Позволительно-ли ограничиться платоническимъ «очень жалко», когда событіе происходитъ въ Грузіи и бороться активно только тогда, когда событіе происходитъ въ Самарской губ.?

Нѣтъ, авторъ напрасно ждетъ, чтобы его «просили» вмѣшиваться, и напрасно *это* невмѣшательство проводить подъ флагомъ свободы народовъ устроиться «какъ пожелаютъ». Еще разъ почеркиваемъ: несмотря на частные недостатки, брошюра т. Кочегарова, въ общемъ, интересна и полезна.

У-тъ.

Письмо въ редакцію.

Я получилъ нѣсколько писемъ, въ которыхъ товарищи просятъ меня лично высказаться по вопросу, поднятому въ заявленіи (см. № 5 «Раб. Міра») Льежской группы — о съѣздѣ. Позволяю себѣ дать краткій отвѣтъ: съѣздъ, вообще говоря, нуженъ, необходимъ. Но — у меня нѣтъ увѣренности въ томъ, что результаты будутъ плодотворны. Этихъ сомнѣній у меня не было-бы, если-бы была увѣренность, что въ рядахъ нашихъ происходила глубокая, положительная работа — а не лишь безплодная, разъѣдающая «критика».

Въ нашей средѣ царитъ какая-то примитивность, ужасающая «элементарность» — и боюсь, что мы окажемся безсильными разрѣшить сложные вопросы, стоящіе «на очереди»!...

Во всякомъ случаѣ, намъ необходимо тщательно и серьезно подготовиться. Необходимо поставить на обсужденіе не *всѣ* вопросы, а только тѣ, которые въ дѣйствительности являются насущными. Какъ установить, какіе вопросы товарищи считаютъ насущными?

Въ письмѣ къ одному товарищу я высказалъ такое соображеніе: желательно, чтобы предварительно собрались отдѣльныя группы: эти группы должны выработать общій планъ, установить нѣкоторый общій взглядъ на тѣ или иные вопросы. Я узналъ — изъ достовѣрнаго источника, — что такое предварительное собесѣдованіе товарищей различныхъ городовъ состоялось. Результаты мнѣ пока неизвѣстны. Кажется, что такую попытку должно горячо привѣтствовать. Она достойна подражанія, — такъ какъ безусловно облегчитъ работу съѣзда.

Р—нъ.

Денежный отчетъ Цюрихской группы.

(Отъ 1-го мая 1912 г. по 1-ое мая 1913 г.).

Приходъ.

Новогодній вечеръ 291 фр. 60 сант. Прислано изъ другихъ городовъ на изд. «Раб. Міра» 220 фр. 20 сант. За литературу 101 фр. 60 с. Рефератъ — 14 фр. 20 сант. Членскіе взносы — 51 фр. 50 сант. Чистый доходъ отъ устроеннаго въ Парижѣ митинга въ честь П. А. Кропоткина 93 фр. 25 *).

Всего 772 фр. 35 сант.

Расходъ.

№ 5 «Р. М.» 150 фр. № 6 (приблизительно) 200 фр., Эмигрантской кассѣ 30 фр. Разсылка литературы и почтовые расходы 44 фр. 45 с. Помѣщеніе для собранія 27 фр. 25 с. Локалъ — въ Парижѣ 13 фр. Покупка еврейской и русской литературы 44 фр. 70 с. Переплеты 12 фр.

Всего : 521 фр. 40 сант.

Остается въ кассѣ:

772.35 — 521.40 = 250 фр. 90 сант.

*) Митингъ въ честь Кропоткина далъ всего (считая и проданную литературу) 595 фр. 05 с. Расходовъ было 501 фр. 80 с. считая въ томъ числѣ 345 фр. на печатаніе и экспедицію № 4 (юбилейнаго) «Р. М.». 135 фр—помѣщеніе и служащимъ, 21 фр. — мелкіе расходы (телеграммы, билеты, поѣздка и пр.).

Адресъ для корреспонденціи и для денегъ:
Zürich, Post Banhof, Postfach 15494.
Eduard Meier.